

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора филологических наук, профессора
Соколянского Александра Анатольевича о диссертации

Савинова Дмитрия Михайловича

на тему «Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах» (М., 2013),
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Вокализм русского языка во всех его проявлениях представляет собой уникальное явление даже среди близкородственных славянских языков. Не будет большим преувеличением сказать, что во многом Московская фонологическая школа сформировалась как результат осмысления русского вокализма, в первую очередь безударного. Именно попытка понять связь между системой ударных и безударных гласных в литературном русском языке и в его говорах привела к идее о том, что в одну фонологическую единицу следует объединять позиционно чередующиеся звуки вопреки их акустико-артикуляционному различию.

В своем диссертационном исследовании Д. М. Савинов предлагает всестороннее описание наиболее сложных вокалических диалектных систем русского языка. Это именно тот материал, на котором оттачивались методы фонологических исследований русского языка. Когда фонология делала первые шаги в осмыслении русского вокализма, лингвистика не располагала еще теми инструментальными средствами исследования, которые находятся в ее распоряжении сегодня. Поэтому анализ диалектной фонетики с использованием современных возможностей является **чрезвычайно актуальным**, так как позволяет переосмыслить уже имеющийся материал и дополнить его новыми данными, проанализированными в соответствии с современным состоянием науки.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что в ней с помощью современных компьютерных программ анализируются разнообразные вокалические системы южнорусских говоров, при этом учитываются их синхронические и диахронические свойства, реконструируются этапы изменения диалектных систем, выявляется разная степень сохранности говора. Предлагаются интерпретации целого ряда явлений сегментной фонетики с помощью описания различных ритмических контуров, дается развернутая типологическая характеристика семифонемных систем в русских говорах, которая разработана значительно полнее, чем это сделано в работах других исследователей, описывается взаимосвязь между ударным и безударным вокализмом.

Теоретическая значимость исследования Д. М. Савинова состоит в том, что им разрабатываются принципы описания вокалических систем с учетом суперсегментных характеристик как отдельного слова, так и фонетической фразы в целом, всесторонне анализируются свойства безударных гласных в зависимости от состояния ударного вокализма, дается модель анализа диахронии с учетом всего многообразия синхронного состояния говора, то есть уточняются методы и приемы внутренней реконструкции. Работа является значительным вкладом в развитии теории Московской фонологической школы, хотя сам автор зачастую не склонен делать из своих наблюдений выводов теоретического характера, что вписывает его работу в контекст Фортунатовской лингвистической школы, представители которой не стремились вводить новые термины до того, как подробно будет описан языковой материал.

Практическая значимость анализируемого исследования состоит в том, что описанный диалектный материал может в несколько адаптированном для студентов виде быть широко использован при чтении общих и частных фонетических курсов. Особо следует обратить внимание на следующие фрагменты работы, содержание которых может послужить более глубокому изучению курса «Русской диалектологии»: 1) анализ ритмических

контуров, 2) типология семифонемного вокализма, 3) подробный анализ формантного строения русского ударного и предударного вокализма, 4) диахроническая интерпретация этапов формирования аканья и яканья.

В первой главе «**Ритмическая структура слова в южнорусских говорах**» подробно анализируются различные ритмические контуры, характерные для русских говоров и русского литературного языка. Речь преимущественно идет о южнорусской фонетической системе, но содержание главы несколько шире и включает в себя, по сути, анализ всех существующих в русском языке ритмических контуров слова. Как известно, впервые ритмический контур слов русского литературного языка и ряда говоров был описан А. А. Потебней, последующие поколения исследователей значительно дополнили это описание. Автор диссертации вслед за Р. Ф. Касаткиной предлагает различать волнообразный контур, контур «сильный центр и слабая периферия», смешанный контур. Выделенные контуры настолько подробно описываются с помощью современных методов исследования, что отпадают всякие сомнения относительно достоверности анализируемого материала. Выделяемые ритмические контуры анализируются в их динамике, убедительно показывается, как одни контуры под воздействием различных факторов закономерным образом трансформируются в другие (см. с. 49). В работе показано, как формируется ритмический контур, характерный для фонетики русского литературного языка (с. 55). Очень важным для понимания описываемых процессов является степень осознания говорящими тех различий, которые возникают в результате реализации разных ритмических контуров.

Значительный интерес представляет диахроническая интерпретация формирования различных ритмических контуров. В работе показаны преимущественно внутренние процессы, обусловившие формирование описываемых ритмических контуров, поэтому предположение о том, что причиной формирования ритмической модели русских говоров стало

тюркское влияние, смотрится как излишнее, тем более что никакого конкретного материала тюркских языков в контексте проводимого анализа не приводится. Автор исходит из того, что «...взаимодействие внутренних и внешних факторов в процессе развития и функционирования языка – проблема, не имеющая однозначного решения. Можно предположить, что смена ритмической модели слова способствовало не только тюркоязычное влияние, но и внутренние языковые факторы, поскольку этот процесс находился в русле актуальных тенденций развития русской фонетической системы» (с. 72–73). Думается, что внутренние факторы формирования исследуемых ритмических контуров описаны достаточно полно, факт тюркского влияния нуждается в дополнительной аргументации. Представляется, что это дань традиции, основанной на некотором недоверии к возможностям саморазвития фонетической системы.

В данной главе значительное место уделено анализу речи одной информатки – А. П. Фокиной, однако, как нам представляется, в этом анализе слишком много внимания уделено полемике с работами Т. Ю. Строгановой 60–70-х гг. прошлого века. Наблюдения Т. Ю. Строгановой, как следует из текста диссертации, проводились на другом материале, в другую эпоху. Кроме того, исследовательница не имела тех технических возможностей, которыми располагают современные диалектологи.

В тексте первой главы и в выводах, сделанных в ее конце, говорится о том, что волновая ритмическая модель была характерна для древнерусского, праславянского и праиндоевропейского языков. Непосредственно в работе это положение (в особенности в отношении индоевропейского праязыка) никак не аргументируется. Думается, что в этом случае следовало бы дать отсылки к авторитетным источникам.

Во второй главе **«Система ударного вокализма в южнорусских говорах»** дается исчерпывающее акустико-артикуляционное описание вокалических систем русских говоров Юга с семифонемным составом. Автором в полной мере использованы возможности инструментального

исследования, которыми располагает современная диалектология. Приводимые схемы устройства семифонемных вокалических систем демонстрируют глубокое понимание организации фонетической системы русских говоров и могут быть использованы не только в рамках академического описания, но и в учебном процессе. Д. М. Савинов часто полемизирует со своими предшественниками. Как правило, приводимые им факты достоверны, а аргументы убедительны.

Глубоко фонологический подход демонстрирует автор работы при рассмотрении истории /ѣ/ и /ѡ/. Он пишет: «...в центре внимания большинства исследователей находилась проблема эволюции фонем /ѣ/ и /ѡ/, но оставались в стороне вопрос о развитии их коррелятов /е/ и /о/, а также проблема практической реализации противопоставления /ѣ/ ~ /е/ и /ѡ/ ~ /о/ на различных исторических этапах развития» (с. 179). Вслед за Л. Л. Касаткиным Д. М. Савинов приходит к выводу, что древнейший способ реализации семифонемного вокализма в русских говорах – это противопоставление восходящих и нисходящих дифтонгов.

Недоказанным остается утверждение, что «... сначала утрачивается противопоставление /ѣ/ ~ /е/, затем /ѡ/ ~ /о/, что связано с особенностями протекания процесса монофтонгизации (подробнее см. [Касаткин 1999 : 393])» (с. 184). В указанной работе Л. Л. Касаткина речь идет только об утрате противопоставления между /ѣ/ ~ /е/, но ничего не говорится о противопоставлении /ѡ/ ~ /о/.

К сожалению, следует признать, что не всегда тонкие наблюдения над семифонемным составом русского диалектного вокализма согласовываются с данными праславянского состояния. Так, если фонема /ѣ/ в русских говорах напрямую восходит к праславянскому *ě, то появление фонемы /ѡ/ происходит по меркам праславянского языка относительно поздно и связано с определенными интонационными условиями. Полная реконструкция противопоставления /ѡ/ и /о/ в позднем праславянском и древнерусском языках является важной предпосылкой описания семифонемной

вокалической системы русских говоров. Это позволило бы полнее описать то, как древняя система соотносится с современным состоянием говоров. Приводимые в работе наблюдения указывают на то, что полное соответствие отсутствует. Такое согласование может стать крайне перспективным в дальнейшей работе автора диссертации.

В диссертации часто даются категорические оценки работ предшественников. Думается, что с такими оценками надо быть более сдержанным. В свое время М. В. Панов написал о том, что «спор о фонемной природе [ы] надо считать законченным; продолжение его научными целями не оправдывается» (Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967. С. 213). В данном случае М. В. Панов ошибался: уже после появления его работы было высказано много глубоких соображений о фонемной природе [ы].

Д. М. Савинов столь же категорично оценивает высказывание В. К. Журавлева: «Л. Л. Касаткин обнаружил различие этих фонем (речь идет о противопоставлении /ω/ и /о/ – А. С.) в безударном положении в некоторых севернорусских архаических говорах... Таким образом, мнение В. К. Журавлева, что «диалектная оппозиция (ô : о) зародилась сразу как нейтрализуемая в безударном положении»... следует признать неверным» (с. 220). Думается, что открытые Л. Л. Касаткиным факты только уточняют утверждение В. К. Журавлева, а не опровергают его. В. К. Журавлев считал, что противопоставление фонем /ô/ и /о/ зарождается в ударной позиции. Это утверждение базируется на фундаментальном положении диахронической фонологии о том, что оппозиции фонем сначала зарождаются в какой-то одной из позиций, а потом распространяются на другие позиции. Так, в современном русском языке оппозиция твердых и мягких заднеязычных сформировалась в позиции перед гласными, но пока еще отсутствует в позиции конца слова. В. К. Журавлев утверждал, что противопоставление фонем /ô/ и /о/ зародилось в позиции под ударением. Когда он писал свою работу, еще не было фактов, подтверждающих наличие такой оппозиции в безударном положении. Л. Л. Касаткин открыл такие факты, но они вполне

укладываются в теорию В. К. Журавлева, уточняя и развивая ее. Только теперь эта теория выглядит так: диалектная оппозиция (δ : o) зародилась сразу как нейтрализуемая в безударном положении, но позднее была распространена в некоторых говорах и на безударные позиции.

Описывая фонемы /ѣ/ и /о/ в говоре Кирейкова, Д. М. Савинов приводит примеры их реализации в виде звуков [ɛ̣] и [ɔ̣] и дифтонгов [и̣ε̣] и [у̣о̣] без учета характера следующего согласного по признаку твердости – мягкости. Известно, что такое влияние ярко проявляется в литературном языке при реализации фонемы /е/. Если зависимость, характерная для литературного языка, в описываемых говорах отсутствует, то это следовало бы оговорить.

Полемизируя с наблюдениями Е. С. Клейменовой (с. 147) относительно того, в каком звукотипе чаще всего реализуется фонема /о/ в новых словах, автор диссертации не комментирует то, что наблюдения Е. С. Клейменовой были сделаны более 50 лет назад. За это время тенденции в говорах могли измениться.

В третьей главе «**Архаические типы диссимильятивного аканья и яканья**» дается исчерпывающее описание состояние вокалической системы в предударных слогах в южнорусских говорах, под архаическими типами аканья и яканья понимаются их диссимильятивные разновидности.

Достоинством анализа является то, что диссимильятивные типы аканья и яканья анализируются в единстве, как реализация действий одних и тех же процессов. Очень часто типы аканья и яканья предпочитают анализировать отдельно, что приводит к мысли об отсутствии связи между этими двумя процессами.

Представленный анализ показывает, что зачастую главным героем описания у М. Д. Савинова является не фонема, а звук языка (в понимании П. С. Кузнецова, М. В. Панова, Л. Л. Касаткина), который обычно в работе называется звукотипом. При всей ясности излагаемого материала в

некоторых случаях явно ощущается дефицит фонологии. Так, на стр. 207 пишется, что «в соответствии со звукотипом [a] здесь произносятся неоднородные гласные типа [êa] и [êε]...». Звукотип [a] в данном случае не соотнесен ни с ленинградской, ни с пражской, ни с московской фонемой. На той же странице речь идет о том, что «появление a-образных гласных на месте звукотипа [и] не представляет собой последовательную смену артикуляций...». В процитированных фрагментах гласные первого предударного слога приобретают некоторые свойства фонем, тогда как с точки зрения МФШ они отдельными фонемами не являются.

Вместе с тем полностью от фонологии не удастся уйти. На стр. 218 Д. М. Савинов пишет: «...выбор того или иного звукотипа при архаических типах аканья и яканья обусловлен не какими-то акустическими характеристиками ударного гласного, а **фонологической** позицией...». Далее очень четко говорится о том, что в данном случае имеется в виду, но введение понятия фонологическая позиция влечет за собой необходимость объяснить ее отличие от позиции фонетической.

Представляется, что фонологический подход помог бы более глубоко рассмотреть отношения между ударным и предударным вокализмом. На одном из семинаров по диахронической фонологии в Институте языкознания АН РАН О. С. Широков предложил очень тонкий анализ развития диссимилятивных форм аканья и яканья. В противопоставлении форм б[эл'нó]й старик и б[ал'нó]й старухи различие между [э] и [a] он предлагал интерпретировать как позиционно неотъемлемую часть реализации фонем /o/ и /ω/. Тогда более закрытый характер [э] (в отличие от [a]) – это неотъемлемое свойство фонемы /o/-открытая, а открытый характер [a] – неотъемлемое свойство фонемы /ω/-закрытая. В этой ситуации звуки [э] и [a] фонематически несамостоятельны, они – способ реализации гласных фонем под ударением. После устранения оппозиции фонем /o/ и /ω/ (употребление б[эл'нó]й старик и б[ал'нó]й старухи) происходит фонологизация ранее

позиционно обусловленных звуков [э] и [а], которые теперь можно рассматривать как самостоятельные фонологические единицы. В рамках принятой в работе терминологии эти процессы с трудом поддаются описанию. Интересно, что Л. Л. Касаткин при описании сходных явлений часто прибегает к использованию понятия архифонема, а Д. М. Савинов, во многом развивающий именно идеи Л. Л. Касаткина, не использует данного термина.

Оригинальный подход к интерпретации различных типов яканья на фонологической основе был также продемонстрирован М. В. Пановым в статье «О синтагматике гласных в говорах с диссимилиативным яканьем». К сожалению, анализ М. В. Панова не был принят во внимание в диссертации.

Материал, собранный и проанализированный Д. М. Савиновым, помогает по-новому взглянуть на некоторые аспекты формирования аканья и яканья. В целом в работе развиваются идеи Л. Л. Касаткина относительно формирования системы нейтрализаций гласных в первом предударном слоге. Первоначально в безударной позиции после твердых согласных различались гласные /а/ ~ /э/ ~ /ω/, слабо лабиализованная фонема /э/ сначала нейтрализовалась с /а/, потом в нейтрализацию была вовлечена и фонема /ω/. Д. М. Савинов не говорит об этом, но, скорее всего, в качестве архифонемы выступал немаркированный член оппозиции, реализовывавшийся в звуке [а]. Только на следующем этапе происходит зарождение диссимилиативной зависимости. «Унификация дифференциальных признаков безударных гласных неверхнего подъема приводила не только к резкому сокращению различительных единиц, но и к неустойчивости фонетической системы в целом» (с. 220). В этом фрагменте не совсем понятно, что имеется в виду под «унификацией дифференциальных признаков» и «резкому сокращению различительных единиц». Очевидно, что в безударной позиции произошла нейтрализация по признаку лабиализации. Первоначально нейтрализацией был охвачен срединный член градуальной оппозиции по степени лабиализации, а потом нейтрализация охватила три фонемы (/а/ × /э/ ÷ /ω/ →

/A/ ÷ /ω/ → /A/). Реализация архифонемы /A/, как показывает Д. М. Савинов, была крайне вариативной. Преодолевая эту вариативность, фонетическая система формирует диссимилятивно-ассимилятивные зависимости между ударным и первым предударным слогом.

Сокращение количества безударных гласных Д. М. Савинов связывает с уменьшением напряженности артикуляционной базы. Трудно сказать, что было первичным: нейтрализации гласных или уменьшение напряженности артикуляционной базы.

В четвертой главе **«Щигровский, дмитриевский и сужданский типы диссимилятивного яканья; прохоровский тип диссимилятивного аканья»** речь идет о типах яканья, которые функционируют в условиях утраты системы семифонемного вокализма. Специфика предударного вокализма говоров, анализируемых в этой главе, состоит в том, что модель диссимилятивного яканья сохраняется, а система ударного вокализма, при которой, собственно, и происходит формирование диссимилятивного яканья, претерпевает изменения. Система к произошедшим изменениям, по мнению Д. М. Савинова, приспособляется разными способами. С одной стороны, в говорах может сохраняться «память» об утраченных свойствах ударного вокализма, что неизбежно приводит к тому, что бывшие позиционные изменения приобретают статус морфонологических или лексикализованных явлений. С другой стороны, система ищет иные основания для сохранения яканья-аканья (например, на путях формирования умеренного яканья). Анализируемый переходный этап характеризуется большим разбросом реализаций гласных первого предударного слога без жесткой позиционной мотивации.

Как справедливо замечает Д. М. Савинов, морфонологизация чередований гласных внутри корня не была поддержана грамматикой и противоречила общей тенденции русского языка к единству фонетического оформления корня. Резкий отказ от варьирования гласных внутри корня противоречил сложившейся тенденции, поэтому система стала формировать

умеренные формы аканья-яканья, опирающиеся на формирующуюся категорию твердости-мягкости согласных.

В результате формирования новых ритмических моделей слова постепенно отпадает и необходимость какого-либо варьирования гласных внутри корня. Это способствует формированию сильного аканья и сильного яканья.

В пятой главе «**Диссимилятивно-умеренный и умеренный типы яканья; белёвский тип диссимилятивного аканья**» описывается формирование умеренной модели предударного вокализма, показывается, как диссимилятивные основания устройства предударного вокализма постепенно дополняются отношениями умеренного типа. Особо хотелось бы отметить, что в работе хорошо показано, как умеренные принципы устройства предударного вокализма не приносятся извне, а являются частью внутренних процессов, происходящих в описываемых говорах.

Следует согласиться с тем, что причины изменения в предударном вокализме имеют фонологическое объяснение. Фонетическое разнообразие гласных первого предударного слога при разных типах яканья-аканья постепенно сменяется фонологически более аскетичными иканьем и полным аканьем.

Концептуально принимая основные положения главы, оппонент тем не менее не может не сделать несколько замечаний попутного характера.

На стр. 287 Д. М. Савинов, анализируя процессы в системе архаического диссимилятивно-умеренного яканья, замечает, что звук «[и] по существу становится аллофоном фонемы /и/». С точки зрения МФШ, звук [и] и является основным способом реализации фонемы /и/. Скорее всего, речь идет о том, что звук [и] выпадает из системы нейтрализаций с фонемами /е/, /а/ и /о/, но сказано об этом недостаточно ясно.

На стр. 308 говорится о том, что «гласный [ы] также подвергается в исследуемом говоре качественной редукции, то есть вовлечен в систему позиционных чередований, о чем свидетельствуют формы типа *нос[эпá]еть*,

б[э́ла]...». В систему позиционных чередований включены все звуки, не может быть звука вне позиции. В данном случае уместнее было бы сказать о вовлеченности фонемы /и/ после твердых согласных в систему нейтрализаций гласных.

При объяснении случаев появления в говоре с. Гати звука [o] в первом предударном слоге, возможно, следует обратить внимание на то, что во всех приведенных примерах звук [o] появляется в соседстве с губными или заднеязычными, которые могут усиливать лабиализацию находящихся рядом с ними гласных (с. 310).

В шестой главе «**Ассимилятивно-диссимилятивные типы аканья и яканья**» анализируются типы предударного вокализма, в которых диссимилятивная основа предельно ослаблена и напоминает о себе в значительной мере только в виде лексикализованных явлений. Эти типы вокализма уже близки к полному аканью или яканью.

У оппонента имеются соображения, касающиеся не только отдельных глав диссертаций, а всей работы в целом.

1. В ряде случаев автора диссертации можно упрекнуть в том, что он избегает давать пояснения относительно понимания им тех или иных терминов. Так, в работе употребляются такие термины, как *звукотип*, *основной аллофон*, *конститутивный признак*, *артикуляционная база*, *корреляция*, *нейтрализация*, *дифференциальный признак*, *факультативный вариант фонемы*, *напряженная артикуляция* и др. Однако в редких случаях указывается, как именно понимаются те или иные термины.

2. Известно, что существуют самые различные подходы к пониманию нейтрализации (вплоть до отрицания ее как таковой). Только в работах М. В. Панова предложено несколько подходов к этому явлению. Хотелось бы знать, что именно понимается под нейтрализацией в диссертации, иначе создается впечатление, что этот термин используется как простой синоним к слову *неразличение*. Бесспорно, и такое понимание нейтрализации имеет право на существование, но хотелось бы, чтобы оно было яснее обозначено.

Даже столь не строгое употребление термина *нейтрализация* иногда вызывает непонимание. Так, на стр. 144 читаем: «Несмотря на формальное совпадение в ряде случаев фонем /ъ/ и /е/ в звуке [ɛ]... их нейтрализация не происходит». Далее поясняется (к сожалению, без приведения примеров), какие именно отношения между гласными позволили прийти к противопоставлению «формального совпадения» и нейтрализации. Более полное описание замеченных отношений могло бы стать теоретическим вкладом в описание типологии нейтрализаций. Думается, что Д. М. Савинов сделает это в будущем.

3. Схожий упрек можно предъявить в отношении употребления термина *дифференциальный признак*. В русистике не сложилось единого представления о том, какие именно признаки гласных надо считать дифференциальными. Так, представители Московской фонологической школы и Пражской фонологической школы чаще всего склонны рассматривать только подъем и лабиализацию в качестве дифференциальных признаков. Сторонники Ленинградской фонологической школы включают в число дифференциальных признаков ряд. Высказывались и такие мнения, что дифференциальными для русского вокализма являются только признаки подъема и ряда, а лабиализация – это дополнительный способ реализации признака заднего ряда. В любом случае следовало бы оговорить, какие именно признаки являются для автора диссертации дифференциальными.

4. В русистике сложилась несколько парадоксальная ситуация в отношении употребления таких терминов, как *ассимиляция*, *диссимиляция*, *аккомодация*, *качественная* и *количественная редукция* и др. М. В. Панов отказался от употребления данных терминов при описании синхронного состояния фонетики русского литературного языка. Такой подход был поддержан и Л. Л. Касаткиным, в учебнике которого по фонетике эти термины не употребляются. Теоретические основания подобного решения понятны, но в то же время в практическом плане это приводит к целому ряду неудобств. Любопытно то, что в учебнике по «Русской диалектологии»,

посвященному синхронному описанию говоров, эти термины широко используются. Учебник издан под редакцией Л. Л. Касаткина. Не означает ли это, что данные термины следует вернуть и в курс фонетики современного русского языка, оговорив условность их использования? Работа Д. М. Савинова является примером использования этих терминов при описании синхронного состояния русских народных говоров.

5. Д. М. Савинов – лингвист. Вместе с тем диалектологи всегда работали в тесном контакте с историками и этнографами. Анализируя состояние вокализма южнорусских говоров, Д. М. Савинов крайне редко говорит о самих диалектоносителях. Такой подход приводит к тому, что из рассмотрения выпадает история заселения края (это не лингвистическая проблема), а вслед за этим в тени остаются проблемы не только абсолютной, но зачастую и относительной хронологии описываемых явлений (а это уже проблема лингвистическая).

6. Несколько аскетичным выглядит *Список использованной литературы*. Так, в него не попали работы Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и др., со взглядами которых диссертант, конечно же, хорошо знаком. Д. М. Савинов был научным корректором при переиздании «Основ фонологии» Н. С. Трубецкого.

Сделанные замечания и высказанные соображения ни в коей мере не могут сказаться на общей оценке диссертации Д. М. Савинова, которая является выдающимся вкладом в русскую диалектологию. В работе современных диалектологов есть что-то героическое: именно они сегодня добывают материал для будущих исследователей русского языка. В свое время А. Мейе писал о «Немецкой грамматике» Я. Гримма: «...самые мелкие подробности отмечаются в ней со старанием или, лучше сказать, с благоговением...» (Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938. С. 452). Мне кажется, что эти слова в полной мере можно отнести и к диссертации Д. М. Савинова.

В работе содержится очень богатый иллюстративный материал, включающий в себя таблицы, схемы, карты, осциллограммы и спектрограммы, которые наглядно подтверждают результаты исследования.

Основные приведенные в диссертации факты достоверны и тщательно проанализированы. Сформулированные выводы и заключения органически выводятся из проведенного исследования, вполне обоснованы и представляют большой интерес.

Автореферат и тридцать семь публикаций Д. М. Савинова отражают основное содержание диссертации.

Все вышесказанное позволяет заключить, что диссертация Д. М. Савинова является законченным, самостоятельным исследованием, в котором решена крупная научная проблема описания типологии южнорусского вокализма. Диссертация «Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах» (М., 2013) соответствует требованиям ВАК Российской Федерации, предъявляемым к докторским диссертациям (п. 9 «Постановления о порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г.), а ее автор, Дмитрий Михайлович Савинов, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Доктор филологических наук,
зав. кафедрой русского языка
Северо-Восточного государственного
университета, профессор

6 марта 2014 года

А. А. Соколянский